

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-292-305

EDN: NBLJSP

Научная статья / Research article

Образы «своих» и «чужих» как фактор самоидентификации граждан в условиях реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию

Т.В. Евгеньева ^{1,2}, Н.В. Смутькина²

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

² МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 etv133@mail.ru

Аннотация. Вопрос о научном осмыслении особенностей реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в социокультурное и идентификационное пространство Российской Федерации является актуальным с точки зрения использования этого опыта в интеграционных процессах, происходящих сегодня на новых российских территориях. В качестве концептуального основания исследования были взяты теоретические подходы современных российских и западных авторов, посвященных идентификационной стороне интеграции на примере формирования Евросоюза, реинтеграции востока и запада Германии, а также вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Исследование опиралось на сочетание количественных и качественных методов сбора и анализа данных. Прикладная часть проводилась в Севастопольском федеральном университете. Анализ полученных данных позволил сделать несколько выводов. В формировании российской национально-государственной идентичности жителей регионов присутствуют некоторые разнонаправленные тенденции. Большинство жителей Республики Крым и города Севастополя в целом идентифицируют себя с Россией, видят свои регионы как ее часть. Основанием для этого они считают общее пространство, историю, культуру, традиции. Эти же факторы в значительно большей степени, чем политическая или гражданская составляющие, они считают основанием патриотизма. Среди названных факторов значительную роль играет память об исторических событиях разных периодах, воспринимаемых как часть единой российской истории. Одновременно с этим в системе пространственных и исторических образов присутствует тенденция к регионоцентричному восприятию страны, желание выделить, подчеркнуть особую значимость своей территории как в истории, так и в современном пространстве Российской Федерации. Значимым стало выраженное в различных формах желание сохранить единство и сплоченность народов страны. Здесь есть некоторое отличие от результатов общероссийских исследований — представители других национальностей воспринимаются при этом гораздо более нейтрально и спокойно, чем в целом по России. В качестве «чужих», врагов или конкурентов

© Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

выступают зарубежные страны. При этом образы этих стран слабо конкретизированы и отражают скорее поверхностное воспроизводство медийной информации, чем результат собственного осмысления событий.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, реинтеграция, образ страны, новые регионы РФ, свои и чужие

Для цитирования: Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В. Образы «своих» и «чужих» как фактор самоидентификации граждан в условиях реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 292–305. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-292-305>

Images of “Us” and “Others” as a Factor in the Identification of Citizens in the Context of the Reintegration of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol into the Russian Federation

Tatiana V. Evgenieva ^{1,2}, Natalia V. Smulkina²

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

 etv133@mail.ru

Abstract. The question of scientific understanding of the features of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol reintegration into the sociocultural and identification space of the Russian Federation is relevant from the point of view of using this experience in the integration processes taking place today in new Russian territories. The theoretical approaches of modern Russian and Western authors devoted to the identification side of integration using the example of the formation of the European Union, the reintegration of East and West Germany, as well as the entry of Crimea into the Russian Federation were taken as the conceptual basis for the study. The study relied on a combination of quantitative and qualitative data collection and analysis methods. The applied part was carried out at Sevastopol Federal University. Analysis of the data obtained allowed us to draw several conclusions. There are some multidirectional trends in the formation of the Russian national-state identity of residents of the regions. The majority of residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol generally identify themselves with Russia and see their regions as part of it. They consider common space, history, culture, and traditions to be the basis for this. They consider these same factors, to a much greater extent than the political or civil components, to be the basis of patriotism. Among these factors, a significant role is played by the memory of historical events of different periods, perceived as part of a single Russian history. At the same time, in the system of spatial and historical images there is a tendency towards a region-centric perception of the country, a desire to highlight and emphasize the special significance of its territory both in history and in the modern space of the Russian Federation. The desire to preserve the unity and cohesion of the peoples of the country, expressed in various forms, became significant. There is some difference here from the results of all-Russian studies — representatives of other nationalities are perceived much more neutrally and calmly than in Russia as a whole. Foreign countries act as “others”, enemies or competitors. At the same time, the images of these countries are poorly specified and reflect the superficial reproduction of media information rather than the result of one’s own understanding of events.

Keywords: national-state identity, reintegration, image of the country, new regions of the Russian Federation, us and aliens

For citation: Evgenieva, T.V., & Smulkina, N.V. (2024). Images of “us” and “others” as a factor in the identification of citizens in the context of the reintegration of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol into the Russian Federation. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 292–305. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-292-305>

Введение

Процесс постепенного возвращения «русских» территорий в состав России поставил перед государством и обществом много проблем, связанных с их интеграцией в единое российское пространство. В политической сфере — проблема встраивания органов политического управления территорией в политическую систему РФ и предупреждение потенциальных политических конфликтов на уровне элит и общества. В социальной сфере — проблема предотвращения социальных расколов в обществе и адаптации «старых» элит к «новой» социальной реальности с учетом этноконфессионального многообразия. В культурно-духовной сфере — проблема переориентации идентификационной политики на российскую систему ценностно-смысловых и образно-символических координат.

В этом контексте возникает необходимость научного осмысления опыта социокультурной реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию, которая происходит с 2014 г. в условиях сложных геополитических реалий.

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, является анализ влияния как исторически сложившихся, так и вновь формируемых образов «своих» и «чужих» на идентификационные процессы на территории Крымского полуострова, на формирование российской национально-государственной идентичности.

Современные подходы к исследованию процесса реинтеграции

Концептуальным основанием исследования является концепция реинтеграции территории, понимаемая как возврат территории, по каким-либо причинам ранее вышедшей из состава государства, обратно. В рамках политической науки термин «реинтеграция» может быть применен при исследовании объектов, способных осуществлять повторное вовлечение в себя ранее отторгнутых частей. Крым и Севастополь попадают под это определение в силу того, что в 1954 г. вышли из состава РСФСР, а через шестьдесят лет — вернулись в состав РФ. В контексте исследования идентичности нами была выделена такая специфическая черта реинтеграции (в отличие от интеграции как более широкого понятия), как наличие в массовом сознании своеобразной «памяти» о предшествующем периоде единства как факторе, влияющем на протекание процесс интеграции. В процессе конструирования идентичности фактор памяти играет важную роль.

Если попытаться выявить современные теоретические подходы к анализу процессов реинтеграции, можно обратить внимание, что исследований, посвященных специфике именно реинтеграции, чрезвычайно мало. Анализируя западный опыт, можно заметить, что основное внимание в нем уделяется тематике интеграции как процесса взаимодействия на уровне «государство—государство» в рамках Евросоюза. Кроме того, большинство исследователей, придерживающихся постструктуралистского подхода, в первую очередь обращают внимание на ее социально-экономические и политические аспекты [Marks 2012; Hooghe, Lenz, Marks 2019; Rosamond 2000] и в меньшей степени на проблемы, касающиеся самоидентификации¹.

Достаточно большая часть исследований, имеющих политико-психологическую ориентацию, направлена на поиск путей интеграции внутренних мигрантов в государствах Европы [Garcés-Mascareña, Penninx 2016; Creating Transnational Conditions... 2021].

В центре внимания прикладных исследований процесса реинтеграции европейских ученых находятся два кейса: вхождение Восточной Германии в состав ФРГ и начало процедуры вхождения Гонконга в состав КНР. Их авторы также анализируют экономические, политические и демографические факторы, реже обращаясь к политико-психологической стороне процесса [Lang 1999].

В контексте заявленной цели исследования следует также обратить внимание на работы российских ученых, посвященные теме вхождения Крыма и города Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 г.

В российской социогуманитарной науке накоплен определенный опыт изучения процессов реинтеграции. Во-первых, это теоретико-методологические вопросы политической реинтеграции [Эбзеев 2010; Караткевич 2009]. Во-вторых, это анализ реинтеграции в международном контексте, в том числе и на постсоветском пространстве [Бабуханян 2021; Беляев, Подковальников, Чудинова 2021; Янчук 2019]. В-третьих, это внутривнутриполитические и социальные аспекты реинтеграции [Коломийцев 2013; Ядранский 2018; Труфанов 2018]. Как и в западноевропейских исследованиях, акцент в них сделан на экономические и социально-политические аспекты процесса реинтеграции. В то же время в последние годы появляется все больше публикаций, написанных по результатам исследований идентичности [Гапизов 2021; Баранов, Васюк 2022; Егорова 2019], в том числе отдельных этнических групп, в частности крымских татар [Мукомель, Хайкин 2016; Егорова 2019].

Методы исследования

Прикладная часть исследования проводилась в Севастопольском государственном университете в 2023 г.

¹ *Pentland C.Ch.* The Dimensions of Political Integration. M.A. Thesis. The University of British Columbia: 1966. P. 8–10.

В исследовании было использовано сочетание количественных и качественных методов сбора и анализа данных, поскольку первые позволяют зафиксировать состояние изучаемой проблемы в количественных показателях, а вторые — дают возможность выявить субъективные смыслы, неосознаваемые аспекты и социокультурные и психологические причины изучаемых явлений.

Анкетный опрос был направлен на исследование особенностей трансформации социальных идентичностей жителей Республики Крым и города Севастополя, их интеграции в пространство общероссийской национально-государственной идентичности. Опросный лист был составлен таким образом, чтобы включенные в него вопросы соответствовали системе заявленных параметров.

Для написания статьи был использован не весь массив данных опроса, а лишь часть заложенных в него параметров, имеющих отношение к вопросу об образах «своих» и «чужих» в сознании жителей регионов. Выводы, представленные в статье, были основаны на анализе следующих параметров исследования: образ пространства (территория); образ времени (прошлое); образы героев; образы «своих» и «чужих»; символы; а также часть вопросов посвященных этнической и конфессиональной самоидентификации граждан.

В структурном отношении в опросные листы были включены преимущественно закрытые вопросы, предполагающие разные техники работы (простой выбор, прямое ранжирование, проективные методики).

Опрос проводился по репрезентативной для двух регионов выборке. Всего было опрошено 2100 респондентов (700 жителей Севастополя и 1400 жителей Республики Крым). Была использована стратифицированная территориальная выборка, составленная в соответствии с квотным распределением по гендерному и возрастному признакам.

Результаты исследования

Анализ полученных данных позволяет говорить о некоторой размытости идентичности жителей Республики Крым и города Севастополя, определяющей неоднородность восприятия не только себя, но и своей страны, «своих» и «чужих» (друзей и врагов). Отвечая на вопрос «С кем Вы себя отождествляете?», большинство выбрало в качестве приоритетного ответа утверждение «со своей страной». Однако представленное большинство оказалось не так уж и велико, составив лишь 31,2%. Отождествление с регионом было актуально для 18,5% опрошенных, менее значимыми было отождествление себя с национальностью (8,9%), идеологией (7,6%), миром в целом (6,2%). Респонденты относили себя более всего к профессиональной группе (40,3%), к нации (27,3%), к религии (6,3%). Оценивая свою национальность, 83,4% опрошенных назвали себя русскими; 5,2% — татарами; 4,1 — украинцами; 0,8% — болгарами.

Готовность подтвердить свое позитивное отношение к «своим» нередко трактовалась респондентами через призму понятия патриотизм. Согласно опросу, патриотизм и любовь к Родине для наибольшего числа респондентов выражается в готовности гордиться победами предков (50,6%), беречь родные

языки (37,6 %). Обращали значительное внимание опрашиваемые и на готовность защищать слабых, стремиться к справедливости (32,8 %), бережно и уважительно относиться к традициям страны и ее народов (32,2 %). Быть причастным к великой культуре было менее значимо для респондентов, проживающих в Севастополе, они чаще говорили о необходимости соблюдать законы страны. Вопрос гражданского самоопределения также был актуален в большей мере жителям Севастополя (37 % против 26 % у жителей Республики Крым). Региональное самоопределение было более актуально для крымчан. Можно предположить, что формируемая национально-государственная идентичность жителей Республики Крым в большей мере опирается на символы культурной идентификации, объединения, чем на символы идентификации политической, гражданской.

Называя россиян «своими», респонденты при этом оценивали себя отличными от остальных (что вполне логично, но требует внимания в контексте процесса реинтеграции). Так, например, восприятие темы взаимоотношения народов на территории своего региона как более отличной от всей остальной России было характерно для жителей и Республики Крым, и города Севастополя. Респонденты чаще отмечали, что в их регионе народы имеют большую возможность сохранить свой язык, традиции и культуру (84,4 %), оценивая ситуацию в России по данному параметру, чаще упоминалось сомнение в возможностях этого (80,6 %). «Остальной России» респондентами чаще приписывались проблемы неравного доступа народов к экономическим ресурсам, несоблюдение равенства прав между народами «де-факто». Можно сделать вывод, что респонденты воспринимают свой регион более монолитным, единообразным с позиции культурных и социально-экономических характеристик, чем Россию, большую, более неоднородную, не до конца еще понятую.

Некоторая размытость представлений о «своих» заметна и по разбалансированным пространственным образам в сознании респондентов. Пытаясь описать пределы России, большая часть опрашиваемых указывала нынешние границы страны как приоритетные (50,3 %). Однако в ответах нередко наблюдалась тенденция сужения символистического пространства, заметное число респондентов говорили, что для них Россия ограничивается пределами места, где они живут (12 %) или пределами своего региона (9 %). До постсоветского пространства пределы России расширялись в ответах 12,6 % опрошенных жителей Республики Крым и города Севастополя.

С какой эпохой отождествляют крымчане и севастопольцы свою историю? Оценить это нам позволили упоминания исторических событий, которые вызывали у опрашиваемых гордость и стыд. Следует отметить, что значительное число российских исторических событий вызывали гордость в оценках респондентов. Приоритетными здесь были события периода Великой Отечественной войны (54 %). Вторым по популярности событием, вызывающим гордость, была «Русская весна» (для 25 % севастопольцев и 12 % крымчан). Помимо этого, значимыми позитивными событиями называли шаги к освоению космоса, спортивные победы, принятие Русью православия, строительство крымского моста.

О чувстве разочарования и стыде респонденты говорили, вспоминая, прежде всего, распад СССР. Интересно, что для севастопольцев данная тема была менее значима, 20 % обратили внимание на это событие (в случае крымчан — 30 %), однако именно для них наиболее болезненно воспринимался факт «Хрущевского подарка» Украине (5 %), расстрел царя Николая II (11 %). Жители Республики Крым чаще вспоминали период сталинских репрессий и голодомор 1930-х гг. (7 и 3 % соответственно). 8,5 % отметили, что испытывают разочарование относительно СВО. Негативные эмоции испытывали респонденты и относительно Русско-японской войны и войны в Афганистане. Наблюдаемые различия в восприятии исторических событий севастопольцами и крымчанами могут быть обусловлены различиями в социальной мобильности жителей данных регионов, а также различиями в семейной исторической памяти. Жители Крыма чаще отмечали, что бережно относятся к семейным архивам, изучают историю семьи (30 % против 18 % Севастопольцев). Причины могут быть связаны и с характером социальной активностью жителей данных регионов, их политической субъектностью в новой и новейшей истории.

Рассмотрение феномена образов «своих» и «чужих» невозможно без оценки векторов восприятия респондентами места России в мире. Полученные данные позволили утверждать, что недоверие к другим странам в сфере международных отношений свойственно и крымчанам и севастопольцам. Данную тенденцию, однако, нельзя назвать специфичной. Скорее она соответствует тенденциям общероссийского восприятия. Тема масштаба, богатства ресурсов, самодостаточности России нередко сочетается с восприятием чужих как замотивированных, если и не на конфликт, то на конкуренцию с Россией. Данный тезис подтверждает тот факт, что 35,2 % респондентов, выполняя проективное задание, в качестве важнейшего выбрали утверждение: *«Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас».*

Отвечая на открытый вопрос, респонденты называли врагами России прежде всего США (57,9 %), Украину (17,6 %), Европу (12,2 %), реже упоминались конкретные страны Запада — Великобритания, Польша, Германия. Сопоставление результатов исследования с эмпирическими данными, полученными в результате общероссийского исследования, проведенного в рамках проекта «Представления граждан России о сценариях будущего развития страны» в ИНИОН РАН, позволяет говорить о более осторожных, умеренных оценках других стран относительно статуса «свой—чужой». Респонденты, проживающие в Республике Крым и городе Севастополе, реже готовы говорить о вражеской роли других стран (см. табл. 1). Сопоставление данных позволило утверждать, что Латвия и Литва подвергаются более пристальному вниманию со стороны крымчан и севастопольцев, чем в целом по России. Наблюдаемая осторожность в оценках может быть вызвана менее тесными контактами жителей Крыма и Севастополя с представителями европейских стран, особенностями территориального расположения и их меньшей включенностью в текущий

внешнеполитический и медийный контекст, в котором происходит формирование современных политических оценок и взглядов в сфере международных отношений.

Согласно результатам опроса, Россия должна стремиться к сотрудничеству, прежде всего, с Китаем (46,0 %), Белоруссией (10,7 %), Индией (8,8 %), Японией (6,9 %), Турцией (6,7 %), КНДР (6,2 %), Германией (2,8 %), Казахстаном (2,7 %). К приоритетным для сотрудничества международным объединениям прежде всего относили СНГ (3,7 %) и БРИКС (2,3 %). Можно предположить, что данный перечень связан с коммуникативной стороной политического дискурса в разные периоды политической социализации респондентов.

Складывается впечатление, что риски распрей внутри страны, опасность радикального национализма пугают опрошенных не менее (а в некоторых случаях и более), чем внешнеполитические угрозы. «Свои» находятся сейчас в фокусе внимания крымчан и севастопольцев. Их сплоченность необходимо беречь, о климате внутри сообщества «своих» беспокоиться. Результаты исследования предоставляют возможность говорить о том, что неосознанно именно внутренние раздоры респонденты относят к важнейшим опасностям. Выполняя проективное задание, 39,4 % отметили в качестве приоритетного утверждение: *«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних».*

Таблица 1

Ответы на вопрос «Есть ли у России враги? Если да, то кто?» опрашиваемых в 2023 г. в Крыму и Севастополе по отношению к респондентам в остальной России, %

Вариант ответа: страна, воспринимаемая в качестве врага	Респонденты из Крыма и Севастополя	Респонденты из остальной России
США	57,9	61,1
Украина	17,6	28,9
Великобритания	8,5	16,7
Польша	7,1	11,1
Германия	2,6	9,4
ЕС	6	8,9
Европа	12,2	7,2
Франция	2,4	6,7
НАТО	9	5,6
Западные страны	1,3	5
Канада	0,2	3,9
Китай	0,4	2,2
Латвия	2,5	0
Литва	3	1,6

Источник: составлено авторами на базе проведенного исследования.

Answers to the question “Does Russia have enemies? If so, who?” of respondents in Crimea and Sevastopol in 2023 in relation to respondents in the rest of Russia, %

Answer option: a country perceived as an enemy	Respondents from Crimea and Sevastopol	Respondents from other territories of Russian Federation
USA	57.9	61.1
Ukraine	17.6	28.9
Great Britain	8.5	16.7
Poland	7.1	11.1
Germany	2.6	9.4
EU	6	8.9
Europe	12.2	7.2
France	2.4	6.7
NATO	9	5.6
Western countries	1.3	5
Canada	0.2	3.9
China	0.4	2.2
Latvia	2.5	0
Lithuania	3	1.6

Source: compiled by the authors.

На осознаваемом уровне восприятия респонденты демонстрируют скорее отстраненное отношение к теме межнациональных/межэтнических взаимодействий. Отвечая на вопрос «*В какой форме Вы готовы принять присутствие людей другой национальности и культуры в вашей жизни?*», опрошиваемые чаще всего отмечали свое равнодушие (ответ «мне все равно» — 33,1 %). Готовность принять людей других национальностей в качестве своих друзей, коллег была актуальна для 23,8 %, соседями готовы их были видеть 26,8 % опрошенных крымчан и севастопольцев. Разобщают народы, по мнению респондентов, политика, религия (более актуально для Крыма), национализм, и разрозненность взглядов.

Полученный проективный материал позволил заметить позитивную оценку дружественного отношения россиян к соседям, стремление к договору, консолидации. 39,5 % опрошенных выбрали приоритетным утверждение: «*Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов*» (самый популярный выбранный вариант ответа). К главным объединяющим народы факторам сейчас респонденты отнесли, прежде всего, историю, территорию, культуру, любовь к родному региону. Тема патриотизма была более значима для севастопольцев, а территориальная общность как стабилизирующий фактор чаще упоминалась крымчанами.

Выводы

Анализ полученных в исследовании данных позволяет сделать некоторые общие выводы об особенностях социальной идентичности жителей Республики Крым и города Севастополя и о месте в ее формировании образов «своих» и «чужих».

Результаты исследования позволяют говорить о том, что жители этих регионов в целом стремятся воспринимать свой регион как часть российского пространства, видят остальных россиян «своими». Вопрос социокультурного сплочения называется в качестве актуального. Идентификация со «своими» — своим народом, своей историей, своей культурой и традициями — у большинства респондентов лежит в основе представлений о патриотизме. Еще одним фактором, выделяемым респондентами, является своеобразная гордость своей территорией, богатой ресурсами и позволяющей быть самодостаточными. Можно отметить, что формирование и российской национально-государственной идентичности и российского патриотизма опирается в большей степени на символы, связанные с историей и культурой, чем на политическую или гражданскую самоидентификацию. Чуть в большей степени эта тенденция проявляется у жителей Республики Крым, но сама тенденция в целом сохраняется.

При наличии общей тенденции к формированию российской идентичности обращает на себя внимание склонность к регионоцентричному восприятию страны. Об этом свидетельствуют системы пространственных и временных (исторических) образов. В ответах наблюдается сужение символического пространства России, хотя и характерное не для большинства, но для значимой части респондентов. Что касается истории, то, если Великая Отечественная война находится на первом месте для большинства респондентов, то из остальных исторических событий они выделяли те, которые непосредственно коснулись «своих», своего региона. В этом контексте второе место по значению занимает возвращение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации («Русская весна»). Интересно, что в других регионах России чаще встречается словосочетание «крымская весна». Таким образом крымчане и севастопольцы подчеркивают значимость для них самого факта присоединения к России. В качестве события, вызывающего разочарование, помимо распада СССР, они называли передачу Крыма Украине («хрущевский подарок»). При этом более значимым это событие было названо жителями Севастополя. Можно предположить, что здесь имеет значение сложный для жителей опыт существования Севастополя в качестве части Украины и одновременно базы российского флота.

Жители Республики Крым и города Севастополя всерьез озабочены сохранением единства и сплоченности среди граждан России, которых они идентифицируют в качестве «своих». При этом большинство из респондентов считают, что наиболее значимыми факторами этого сплочения являются общая территория, история, культура и любовь к родному региону. То есть определенная часть под сплоченностью понимает сплоченность на региональном уровне, связанная,

прежде всего, с территорией, что особенно значимо для респондентов крымчан. В качестве враждебных большинство воспринимает не конкретных «чужих», а всё (в том числе и людей), связанное с политикой, религией и национализмом (скорее как политическим явлением). При этом к представителям других национальностей отношение в целом нейтральное — не как к враждебным «чужим», а к безразличным «другим».

В целом образ «чужих» связан для жителей Республики Крым и города Севастополя, прежде всего, с зарубежными государствами. При этом сравнение с результатами аналогичных исследований по Российской Федерации в целом позволяет говорить, что в исследуемых регионах образ «чужого» по отношению к большинству этих государств менее конкретизирован (например, большинство называет Европу в целом) и менее эмоционально окрашен. Другие государства воспринимаются именно как «чужие», «другие», а не очевидные враги. Ближе к образу опасного врага находятся США, Украина и уже названная обобщенная Европа. Остальные чаще ассоциируются с конкурентами. Одновременно часть респондентов обращает внимание на дружественные отношения с соседями, скорее абстрактными, чем конкретизированными. Можно предположить, что подобное восприятие зарубежных государств является следствием более слабых контактов жителей территорий с зарубежными государствами или их представителями, а также может быть связано с уже упоминавшимся своеобразным регионоцентризмом.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть наличие некоторых разнонаправленных тенденций в процессе формирования российской национально-государственной идентичности. С одной стороны, желание жителей Республики Крым и города Севастополя идентифицировать свои регионы с Россией как страной с единой историей, культурой и традицией, с другой — тенденцией, часто до конца не осознаваемой, выделить, подчеркнуть особую значимость своей территории как в истории, так и в современном пространстве Российской Федерации.

Поступила в редакцию / Received: 11.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 23.01.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Бабуханян А.Б.* Евразийская цивилизация: идеология, реинтеграция и развитие // *Международная жизнь*. 2021. № 12. С. 38–43.
- Баранов А.В., Васюк С.В.* Этнические и профессиональные отношения как фактор этнополитического процесса в Крыму (по материалам опросов) // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2022. № 15 (4). С. 88–96. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-88-96>

- Беляев Л.С., Подковальников С.В., Чудинова Л.Ю. Электроэнергетическая реинтеграция России со странами Центральноазиатского и каспийского регионов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1 (35). С. 32–43. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-01-32-43>
- Гапизов З.Р. Цивилизационный идентитет населения Крыма как фактор интеграции в российское пространство // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 85. С. 189–210. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-85-189-210>
- Егорова Л.Г. Крымская идентичность в медийной картине мира // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 2. С. 373–387. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(2\).373-387](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(2).373-387)
- Караткевич А.Г. Реинтеграция как фактор социотрансформации и противовес глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 5 (21). С. 80–89.
- Коломийцев Е.С. Реинтеграция субъектов Российской Федерации на Северо-Кавказе: политический аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 359–368.
- Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.04>
- Труфанов А.Ю. Реинтеграция Крыма в Россию. Взгляд из провинции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). С. 258–259.
- Эбзеев А.А. Политическая реинтеграция: методологические и теоретические проблемы // Власть. 2010. № 2. С. 68–71.
- Ядранский Д.Н. Групповая и индивидуальная реинтеграция в Россию: сравнительный анализ жизненных стратегий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № S2. С. 325–330.
- Янчук В.А. Реинтеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство: этапы и противоречия политического и экономического взаимодействия // Право. Экономика. Психология. 2019. № 2 (14). С. 60–68.
- Creating Transnational Conditions for Return and Reintegration // Avenir Suisse fifth Annual Think Tank Summit: “Migration Policies towards Refugees and Asylum Seekers and Their Impact on the Labour Market, Social Systems and on National Security”. International Centre for Migration Policy Development, 2021.
- Garcés-Mascareña B., Penninx R. (Ed.) Integration Processes and Policies in Europe. Contexts, Levels and Actors. Springer, 2016.
- Hooghe L., Lenz T., Marks G. A Theory of International Organization, Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Lang C. Ostdeutsche Befindlichkeiten ein Jahrzehnt nach der Wende — Ambivalente Spuren des Umbruchs // Wirtschaft im Wandel. 1999. No. 16. S. 4–9.
- Marks G. Europe and its empires: from Rome to the European Union // Journal of Common Market Studies. 2012. Vol. 50, no. 1. P. 1–20.
- Rosamond B. Theories of European Integration. New York: St. Martin’s Press, 2000.

References

- Babukhanyan, A.B. (2021). Eurasian civilization: ideology, reintegration, and development. *The International Affairs*, 12, 38–43. (In Russian).
- Baranov, A.V., & Vasyuk, S.V. (2022). Ethnic and confessional relations as a factor in the ethnopolitical process in Crimea (based on survey materials). *Bulletin of Perm University. Political science*, 15(4), 88–96. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-88-96>

- Belyaev, L.S., Podkovalnikov, S.V., & Chudinova, L.Yu. (2021). Electric power reintegration of Russia with the countries of the Central Asian and Caspian regions. *Eurasian integration: Economics, law, politics*, 1(35), 32–43. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-01-32-43>
- Creating, Transnational Conditions for Return and Reintegration* (2021). Avenir Suisse fifth Annual Think Tank Summit: “Migration Policies towards Refugees and Asylum Seekers and Their Impact on the Labour Market, Social Systems and on National Security”. International Centre for Migration Policy Development.
- Ebzeev, A.A. (2010). Political reintegration: Methodological and theoretical problems. *Vlast'*, 2, 68–71. (In Russian).
- Egorova, L.G. (2019). Crimean identity in the media picture of the world. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 8(2), 373–387. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(2\).373-387](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(2).373-387).
- Gapizov, Z.R. (2021). Civilizational identity of the population of Crimea as a factor of integration into the Russian space. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 85, 189–210. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-85-189-210>
- Garcés-Mascareña, B., & Penninx, R. (Ed.) (2016). Integration processes and policies in Europe. *Contexts, Levels and Actors*. Springer.
- Hooghe, L., Lenz, T., & Marks, G. (2019). *A Theory of International Organization*. Oxford: Oxford University Press.
- Karatkevich, A.G. (2009). Reintegration as a factor of sociotransformation and a counterweight to globalization. *Ethnosocium and interethnic culture*, 5(21), 80–89. (In Russian).
- Kolomiytsev, E.S. (2013). Reintegration of the constituent entities of the Russian Federation in the North Caucasus: Political aspect. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(36), 359–368. (In Russian).
- Lang, C. (1999). Ostdeutsche Befindlichkeiten ein Jahrzehnt nach der Wende — Ambivalente Spuren des Umbruchs. *Wirtschaft im Wandel*, 16, 4–9.
- Marks, G. (2012). Europe and its empires: from Rome to the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 50(1), 1–20.
- Mukomel, V.I., & Khaikin, S.R. (2016). Crimean Tatars after the “Crimean Spring”: Transformation of identities. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 3, 51–68. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.04>
- Rosamond, B. (2000). *Theories of European Integration*. New York : St. Martin’s Press.
- Trufanov, A.Yu. (2018) Reintegration of Crimea into Russia. A view from the province. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 4(70), 258–259. (In Russian).
- Yadransky, D.N. (2018) Group and individual reintegration into Russia: Comparative analysis of life strategies. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 4(70), S2, 325–330. (In Russian).
- Yanchuk, V.A. (2019) Reintegration of the Republic of Belarus and the Russian Federation into the Union State: stages and contradictions of political and economic interaction. *Law. Economy. Psychology*, 2(14), 60–68. (In Russian).

Сведения об авторах:

Евгеньева Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии, факультет политических наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, доцент кафедры социологии и психологии политики, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: etv133@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4711-5476)

Смутькина Наталья Валентиновна — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: smulkina@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6691-5372)

About the authors:

Tatiana V. Evgenyeva — Candidate of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: etv133@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4711-5476)

Natalia V. Smulkina — Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: smulkina@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6691-5372)